

SI
420

№ 199.
155

С 1767

~~№ 119~~

~~№ 212~~

НѢКОТОРЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ 155.

Е I 4290

о Александрѣ Петровичѣ

Сумароковѣ,

и началѣ Россійскаго Театра.

Павломъ Сумароковымъ.

7085

Перенесъ
1950

Въ Санктпетербургѣ,

въ Императорской Типографіи 1806 года.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Герцена

Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Цензурнаго Комитета.

Въ 1861 г. 10-го
Июня
С. П. б.

Е г о

Высокопревосходительству

Гаврилъ Романовичу

Державину

милоспивому Государю.

С П 6 Г У

НѢКОТОРЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ

*О Александрѣ Петровичѣ Сумароковѣ
и началѣ Россійскаго театра.*

Естьли я принимаюсь за перо чѣтобъ разсуждать о рѣдкихъ дарованіяхъ, остроуміи ума и о превосходныхъ твореніяхъ бессмертнаго и прославившагося въ ученомъ свѣтѣ мужа Александра Петровича Сумарокова, по причину шому жалостной упадокъ словесности нашей, ослѣпленіе отъ Иностранныхъ произведеніи, спранныя обновы языка, и забвеніе о именимыхъ заслугахъ сего Россійскаго Апполона.

Многіе по молвѣ шолько о имени его вѣдають, многіе не учась по Русски красоть его не понимають; инья же всю словесность нашу на одинъ Французской романъ охотно промѣняють. Худая оцѣнка означаетъ непросвѣщеніе наше, неблагодарность же свидѣтельствуетъ, чѣто мы шакого Генія недостойны. О вы спопослагатели, прозаиспы, переводчики и чѣпцы! Примирись на нѣсколько минутъ съ справедливостью, разберише прошедшее, настоящее, измѣрайше все поприще отъ него до васъ, отдалише напрасное самолюбіе, содѣлайтесь

безприспращными судіями и отвѣществуйте
 на сіи вопросы. Кто завелъ у васъ пе-
 астръ, и познакомилъ васъ съ чувствами
 Корнелія, Расина и Вольтера? — Онъ, и
 еще тогда какъ большая часть дѣдовъ на-
 шихъ съ нуждою чипашъ умѣла по складамъ.
 Кто бросился съ отважносшью къ соперни-
 честву съ великимъ Лафоншеномъ и вѣнецъ
 побѣды изпоргнулъ изъ рукъ его? — Онъ.
 Кто ввелъ у васъ любовной разговоръ па-
 спушекъ и обойдя мимо Ронзаровъ, Маро-
 шовъ нарѣчіемъ Виргиліевымъ и Теокрыто-
 вымъ заговорилъ? — Онъ. Кто прошелъ съ
 искусствомъ по красивому пуши Тибулла,
 Кашулла, Проперція, Сафо и жалобную пѣснь
 Дезуліеры и Деласюзы съ усилкомъ возвѣ-
 щилъ вамъ? — Онъ. Кто пушилъ мѣшкія
 спрѣлы Ювенала и Деспро въ порочныя
 нравы? — Онъ. Кто премудрость Всевыш-
 няго и сладость Давида прекраснымъ сло-
 гомъ извѣсчилъ? — Онъ. Кто научилъ васъ
 познавать цѣну Молиеру, Дешушу и Реньяру? —
 Онъ. Наконецъ кто первой извлекъ слезы
 изъ очей вашихъ, разсмѣшилъ Комическою
 Епиграммою, освободилъ отъ мрачнаго неве-
 жества прекрасной нашъ языкъ и шорже-
 ственно вошелъ на ушесистой Геликонъ? —
 Онъ. Вы скажете, можешъ быть, что онъ
 именишъ шолько по времени, изобрѣшенію,
 а что послѣдователи далеко его превзошли.
 Положимъ шакъ, но и шѣмъ онъ уже без-
 смертенъ, и шѣмъ однимъ заслуживаешъ

чтобъ мы, уважая память его, дали ему предъ собою преимущество. Вы скажете что упопребляемая имъ мѣстоимѣнія противны слуху; но они не чужія, а наши, правильны; припомъ при драгоцѣнности злата смѣшанныя съ нимъ частицы не примѣшны. Вы скажете что онъ многое взялъ изъ Французскихъ писателей, а отъ кого же бы ему заимствовать? Отъ опцевъ вашихъ, но они ничего не писали, отъ вашей учености; но вы еще при немъ не существовали. Изъ ничего одинъ только Богъ творить можетъ. Припомъ Корнелій, Расинъ, Вольперъ, Молиеръ, Реньяръ, Дешушъ, Лафоншенъ и Боало не похищали ли цѣлыми страницами мысли Софокла, Еврипида, Сенеки, Плавша, Федры, Есопа, Аристофеля и Ювенала? Или онъ шѣмъ только виноватъ что вы къ несчастію его Французской языкъ вѣдаете, а къ укрывательству шѣхъ Греческаго и Латинскаго не понимаете? Или онъ шѣмъ только не правъ что осторожно добро ихъ похищаль, а мы новыя писатели, при образованныхъ уже правилахъ, при готовыхъ мысляхъ и прочищенному пупи, и предшественниковъ и современниковъ безъ милосердія грабимъ, и чужія лошкучки вмѣстѣ шиваемъ. По семъ къ опроверженію несправедливости и къ успыженію въ благодарности я осмѣлюсь еще спросить: кто изъ васъ написалъ Трагедію, Елегію, Еклогу, Саширу, Припчу лучшимъ

его складомъ и помрачилъ чрезъ шо его сїяніе? Покажите мнѣ шо твореніе, назовите мнѣ шого шворца, кого Музы ему предпочли? А! вы всѣ безмолшвуете и къ Лаврамъ его прикоснушь не дерзаете. Вотъ бо лѣшъ шому, какъ онъ учредилъ Лирной спрой! Вотъ 29 лѣшъ какъ онъ на Олимпъ онъ насъ перешелъ, а никшо еще къ соперничешву съ нимъ не предшалъ, никшо еще его шономъ насъ не усладилъ! О прахъ почщенной! Прости намъ заблужденіе, взгляни изъ храма безсмершїа хладнокровно, и окружающему тебѣ сонму мудрыхъ изреки: Не для нихъ шрудился я, вѣка еще не окончались и пошомшво познаешъ мнѣ цѣну.

Теперь приступимъ къ нѣкоторому о немъ повѣштованію, и разбору его швореніи. Онъ получа онъ небесъ необыкновенной даръ, еще бывъ юношею, ученикомъ Кадепскаго корпуса воспалился Творческимъ огнемъ. Первой опышъ его сосшоялъ въ пѣсняхъ, кошорыя разходясь по городу доходили до Имперашрицы, и Она при одобреніи повѣлевала сочиняшь для оныхъ музыку. Сему-шо благошворному орошенію корня обязаны мы за прелешной плодъ, и сїи-шо пѣсни ошродили намъ Хорева, Синава, Семиру и Димитрія. Всѣ взирали на него шогда, какъ на чудо, и имя его сдѣлалось извѣшнымъ. По выпускъ изъ корпуса вельможа Графъ Михайла Гавриловичъ Головкинъ

взялъ его къ себѣ въ адьюшаншы; но форшуна всегдашняя противница Апполону положила пипомцу его во щасіи преграду. Обвиненной бояринѣ побжалъ въ ссылку, и Адьюшаншѣ его посаженъ подѣ спражу. Невинность разрѣшилась и нашъ стихошворецъ перешелъ въ ту же должность къ Графу Алексію Григорьевичу Разумовскому, у котораго вскорѣ былъ Генералсѣ-Адьюшаншомѣ и управляющимѣ Лейбѣ-Компанскимѣ корпусомѣ. Въ сіе - то время развернулись всѣ его дарованія, и онѣ испивѣ чистой Каспальской воды не могѣ болѣе прошивиться влекущему его спремленію. Онѣ обнявѣ всю силу красотѣ Греческихѣ, Латинскихѣ, Французскихѣ и Нѣмецкихѣ писателей оза-рился вдругѣ, посреди окружающей его шемношы, ихѣ свѣтомѣ и дерзновенно предпринялѣ раздѣлишь сѣ ними славу. Хаосѣ непросвѣщенія разспунился, шворецъ предсталѣ въ полномѣ блескѣ и спрасть Хорева явилась въ 1748 году къ общему изумленію. Читашель ошдали мысленно бышіе свое къ шѣмѣ временамѣ, и взгляни на сшихи шогдашняго произведенія.

О Петре, Петре, Петре войне сильный!
При градѣхѣ и во градѣхѣ и въ полѣ весь дивный!

(*) Вѣщаетъ Марсѣ при кончинѣ ПЕТРА Великаго.

Возвращись моя радость, Марсова защита,
 Марсѣ, не Марсѣ безъ тебя емь, ахъ, но воло-
 кипа.

Или.

Красотѣ умильна!
 Паче всѣхъ сильна,
 Уже склонивши,
 Ужъ побѣдивши
 Изволь сотворить,
 Милостъ мя любить.

Или.

Весна капить,
 Зиму валитъ
 И ужъ листикъ съ древомъ шумитъ,
 Поютъ пшички,
 Со синички,
 Хвостомъ машутъ и лисички.

*

Плюнь на суку,
 Морску скуку,
 Держись черней, а знай шпуку,
 Спашь опишно,
 И не пышно,
 Такъ не будешь волнѣ и слышно.

Что скажешь теперь, важно ли превра-
 щеніе и великъ ли Сумароковъ, когда онъ
 при подобномъ напѣвѣ первой произнесъ сію
 рѣчь :

7
Князь кормилъ корабля, власть Княжеская море,
Гдѣ вѣтры, камни, мѣль препяпшвующѣ судамъ,
Желающимъ пристать къ спокойнымъ берегамъ,
Но часто кажущя и облаки горами,
Летая въ далекъ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать,
Но горыль то иль нѣшѣ искусствомъ разбирать.
Хоть всѣбѣ вѣчали мнѣ, шамъ горы, мѣли тамо,
Когда не вижу ихъ плыву безъ страха прямо.

Похожа ли сія мысль на указанную шебѣ? Тѣ ли въ ней стихи? и Корнелій поспыдился ли бы признашь себя шворцемъ оныхъ? И шакъ Трагедія готова; но нѣшѣ въ Россіи еще Акшеровѣ. При дворѣ нашемъ Французская и Нѣмецкая шруппы были извѣстны, а изъ Россійскихъ произведени играли одни духовныя піесы, какъ шо драммы, *Есѣирѣ, Рожественскую, Воскресенскую, Димитрія Солунскаго, Грѣшника, (*)* припомѣ *Шелякинѣ судѣ и Польскія жарты*. Первое представленіе Хорева послѣдовало въ Кадепскомѣ корпусѣ, шомѣ мѣсшѣ, гдѣ источникъ трагической любви отккрылся. *Петрѣ Семеновитѣ Свистуновѣ* представлялъ Оснѣльду, *Петрѣ Ивановитѣ Мелиссинѣ* Хорева, Господинѣ *Остервальдѣ* Кіия. Императрица, главные чиновники, и шолпа любо-

---

(*) Сочиненія Димитрія Ростовскаго.

пышныхъ восхопились неизвѣстнымъ имъ до того зрѣлищемъ; искусная прѣспрасней, сладость выраженіи, и возвышеніе духа исполнили ихъ сердца уваженія къ шворцу, стихи его возглашались по всѣмъ мѣстамъ, и молва о немъ пролепала. Такое величественное начало породило желаніе завести Россійской Театръ, какъ вдругъ донесено о Ярославскихъ актёрахъ. Тамошній купецъ Ѳедоръ Волковъ, иной Геніи, своимъ иждивеніемъ оной учредилъ, и Хоревъ при сказанныхъ пьесахъ устнами уже его извѣснялся. Немѣдленно отправили за ними, и самъ сдержашель Волковъ, съ двумя своими братьями, Иванъ Аонасевичъ Дмитревской, (*) Шулской, Поповъ, Яковниковъ, Сколковъ, Пискаревъ, и Ершиковъ предстали въ Пешербургъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ отослали обратно, другихъ же, извѣстныхъ намъ по имениности ихъ, оставили обучаться въ корпусъ языкамъ, а наконецъ въ 1756 году подписанъ указъ о бытіи Россійскаго Театра, и Александръ Пешровичъ Сумароковъ опредѣленъ надъ нимъ директоромъ. И такъ любезныя граждане! вопль вамъ и авторъ и дѣйствующія лица, коимъ вы равныхъ до сѣлъ еще не имѣли. Признайшесь что таковое начало чудесно, и что послѣдствія ему несоотвѣтственны. Почтите высокія даро-

---

(**) Отъ сего прославившагося мужа, я получилъ нѣкоторыя свѣденія.

ванія, гордитесь ими, и соорудите онымъ
памяшники въ сердцахъ вашихъ.

О Елегіяхъ и Еклогахъ его.

Нѣкоторыя изъ его Елегіи, какъ то: 2.
Ма долго разлученъ съ тобою дарагая. —
3. *Стени твои духъ во мнѣ* — 17. *Стра-*
дай прискорбный духъ — 19. *Филлида въ*
самогя цѣтущія лѣта. — 20 *Оснелда къ*
Завлоху — и 21 *Завлохъ къ Оснелдѣ,*
писаны прекраснымъ слогомъ, съ великимъ
жаромъ и пребудутъ образцами въ семъ
родѣ.

Касательно до его Еклогъ, то онѣ еще
превосходнѣе. Нѣжность любви, приспойн-
ныя обстояшества, разговоры, простиша
и живость красокъ открываютъ наспоющія
дѣйствія. Чистая ихъ я прескъ грома вни-
маю, проливной дождь предъ моими глазами;
я люблюсь пасомымъ стадомъ, фіалки, неза-
будочки кажутся у ногъ моихъ; я вхожу въ
шалашъ опечаленной пасушки и въ прими-
реніи любовниковъ участвую. Покажу шому
примѣры.

Еклога 5.

Неоднократно лжетъ любя свою свободу,
То прутья рѣзала, то черпала шамъ воду,
То связки, то плашки носила мышъ къ рѣкѣ,
Но всель одни слова имѣшь на языкѣ?

Какъ спрашивала мать о чемъ она вздыхаетъ,
 Мелиха вымысломъ такимъ же опвѣчаетъ.
 То волкъ повадился на ихъ ходишь луга,
 То будто о пнекъ зашибена нога,
 То гдѣ-то будто тамъ кукушка куковала,
 И только два года ей жизнь предвозвѣщала,
 То полудневный жаръ ей голову ломилъ,
 Какъ молвишь что груститъ, не зря того, кто,
милъ?

Какая простота! Какое непринужденное
 спопосложение! Найдеть ли кто шутъ
 частицу рѣчи не у мѣста? Или какое лиш-
 нее слово? Не обильная ли то проза?

Еклога 9.

О рощи! О луга! О холмики высоки!
 Долины красныхъ мѣстъ! и быспрыя потоки,
 Жилище прежнее возлюбленн ѣ моей!
 Мѣста гдѣ много разъ бывалъ я купно съ ней!
 Гдѣ кроется теперь прекрасная скажите,
 И чѣмъ нибудь ее обратно привлекиш!
 Ольстите духъ ея, ольстите милый взоръ,
 Умножь журчаніе вода бѣгуща съ горъ,
 Младые деревья вы отрасли пускайте,
 Душисныя цвѣты долины покрывайте,
 Земля сладчайшія плоды произрасти!
 Или ничто ее не можетъ привести?
 Прииди назадъ, прииди драгая возвратися,
 Хоть не на многи дни со спадомъ оппросися!
 Не сказывай что я въ печали здѣсь живу,
 Сжи что здѣшній лугъ сочная даетъ шраву,

Скажи что здѣсь струи свѣжле протекаютъ
И волки никогда овецъ не похищаютъ.

Льзяли лучше описать разговоръ и споны
спраси? Не пасушь ли по слова? Не
сѣ самыхъ ли полей собраны всѣ сіи красы?

Еклога 2.

Тирсисъ.

Годъ цѣлый Тирсисъ былъ сѣ Ифизою въ разлукѣ,
Годъ цѣлый онъ вздыхалъ, и жилъ въ несносной скукѣ.
и проч.

Еклога 10.

Дамонъ.

Еще густая тѣнь хрустально небо крыла,
Еще прекрасная Аврора невсходила,
Корабль покоился на якорѣ въ водахъ
И земледѣлецъ былъ въ снѣ крѣпкомъ по трудахъ,
Сапиры по горамъ лѣсовъ не пробегали,
И нимфы у рѣчныхъ потоковъ почивали,
Какъ вдругъ возспалъ злой вѣспрь, и воды возму-
щаль,
Сердитой валъ морской долины попоплялъ,
Громъ страшно возгремѣлъ и молнии сверкали,
Дожди изъ грозныхъ пучь озера проливали,
Сокрыли небеса и звѣзды и луну,
Левъ въ лѣсѣ бѣжалъ густой, и китъ во глубину,

Орелъ подъ хвороспомъ отъ страха укрывался,
 Подобно и Дамонъ сей бури испужался,
 Когда ужасенъ всей природѣ былъ сей часъ,
 А онъ безъ шелаша свою скотину пасъ. и проч.

Сии двѣ послѣднія Еклоги выставляющъ
 все искусство его въ семъ родѣ, и достойны
 пера Теоокриша.

Сравненіе Сумарокова съ Эсхиломъ.

Эсхилъ былъ первой, которой написалъ
 трагедію; но онъ имѣлъ предъ собою слав-
 ныхъ предшественниковъ во всѣхъ родахъ.
Мюзей, Гесиодъ, Гомеръ, Алцей, Сафо,
Оалесъ, Эсонъ, Стесихоръ, Эсогнесъ,
Оесписъ, и Анакреонъ приготовили для
 него мысли, обороты, и совсѣмъ очищенной
 языкъ. Сумароковъ никого предъ собою не
 имѣлъ. — Единственной Ломоносовъ писалъ
 въ одно съ нимъ время, и при началѣ въ
 опечесства; иныя сочинители еще не появля-
 лись и шворецъ, только Телемахиды могъ
 бытъ его пушеводилемъ. Одного можно
 уподобить принадлежащему къ именитому
 семейству, получившему въ наслѣдіе драго-
 цѣнныя сокровища и употребленіемъ оныхъ
 только запрудняющемуся; другаго рожден-

ному въ нагошѣ, сиротсшвующему и соб-
 швеннымъ благоразуміемъ снискавшему себѣ
 богаишсшва. Одинъ имѣлъ нѣкошорыя при-
 мѣшы и даже шропки къ пупешествію,
 другой вошелъ безъ всякаго свѣденія въ не-
 проходимой лѣсѣ, на удачу вырывалъ предъ
 собою препяишсшвующія ему корни, очищаль
 каряги, безъ усшрашенія свергался въ овраги,
 преплывалъ рѣки, озера и цѣпляясь по уше-
 самъ шрудной горы достигъ безъ провод-
 ника ея вершины. Опытъ перваго есть
Прометей, въ кошоромъ мы находимъ бѣд-
 швіе безъ всякихъ премѣнъ, ошшбнокъ,
 дѣйствія, и одинъ шолько разговоръ неща-
 сшнаго спрадальца; опытъ втораго есть
 Хоревъ, въ кошоромъ плѣнъ Оснелды, ги-
 бельная къ ней любовь Хорева, борьба
 шпрасши съ добродѣшелью, подозрѣнія Кіиы,
 необдуманная жестокость, раскаянія его,
 насильшвенная смерть прекрасной дѣвы и
 героя, все сіе къ волненію, неизвѣстности,
 содраганію, жалосши, и слезамъ насъ при-
 водилъ. *Прометей* есть шолько собраніе
 Прологовъ и младенчешсшво ишкусшва, Хоревъ
 созрѣлость онаго и настоящая Трагедія.
 Первой указалъ Грекамъ дверь къ чершогу,
 другой ошворилъ чершогъ и насъ въ немъ
 угосшилъ. Есшила превзошли Софоклъ и Еври-
 пидъ, Семирина же шворца у насъ еще ни-
 кто не ошпорилъ.

Сравненіе Сумарокова съ Корнеліемъ.

Корнелій, коего одно имя вселяетъ уже почтеніе былъ преобразовашель только Французскаго театра. *Тодель, Гарнсе, Гарди* прежде его трагедіи писали. Ихъ начало послужило для него лучшимъ послѣдствіемъ, недоспашки ихъ призывали къ исправленію, бѣдность воображенія къ обогащенію и Клеопатра съ Дидоною приготоновили возвышеніе его духа. — Сумароковъ, какъ выше сказали, былъ шворецъ Россійскаго театра. Корнелій до появленія Цида, настоящей трагедіи, далъ *Мелиту, Клитандра, Вдову, Галлерейо дворца, Служанку, Царскую площадь, и Медейо* шворенія недоспойныя уже вниманія и преданныя забвенію. — Сумароковъ началъ Хоревомъ, до нынѣ еще пріятнымъ. — Корнелій восходилъ нижними степенями. — Сумароковъ прямо вспрыгнулъ на вышину. — Испышаніе перваго есть урокъ ученика, испышаніе же вшораго есть отдѣлка искуснаго мастера. — Корнелій заимшвовалъ чуждыя содержанія, Сумароковъ бралъ свои собственныя. — Корнелій въ одномъ родѣ только прославился, Сумароковъ во многихъ. Корнелія Расинъ превзошолъ, Сумароковъ поборника у насъ еще не имѣетъ. Слѣдовашельно Сумароковъ болѣе знаменитъ у Россіянъ, нежели какъ Корнелій у Французовъ.

Сравненіе Сумарокова съ Лафонтеномъ.

Сколь не великъ онъ въ показанныхъ родахъ, но поржешвенный вѣнецъ поднесли ему припчи. Онъ въ нихъ коснулся совершенства и Лафоншену покрайней мѣрѣ равенъ. Я слышу уже громогласное негодование упорныхъ завистью и преданныхъ иноплеменичей славѣ; однако предъ судомъ истинны не слова, а доказательства попребны. Призовемъ предъ себя шяжущихся, и по выслушаніи ихъ подпишемъ опредѣленіе. Вошъ припчи и того и другаго.

LIVRE VI. FABLE III.

Phoebus et Borée.

Borée et Soleil virent un voyageur,
 Qui s'étoit muni par bonheur
 Contre le mauvais tems. On entroit dans l'automne,
 Quand la precaution aux vayageurs est bonne :
 Il pleut: le Soleil luit; et l'écharpe d'Iris
 Rend ceux qui sortent avertis
 Qu'en ces mois le manteau leur est fort nécessaire.
 Les Latins les nommoient douteux pour cette affaire.
 Notre homme s'étoit donc à la pluie attendu :
 Bon manteau bien doublé, bonne etoffe bien forte.
 Celui ci, dit le vent, pretend avoir pourvu
 A tous les accidens ; mais il n'a pas prevu

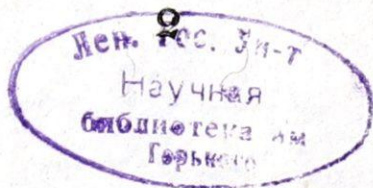
Que je saurai souffler de sorte,
 Qu'il n'est bouton qui tienne; il faudra, si je veux,
 Que le manteau s'en aille au diable.
 L'ebattement pourroit nous en être agréable:
 Vous plait il de l'avoir? Eh bien! gageons nous deux
 (Dit Phoebus), sans tant des paroles,
 A qui plutot aura degarni les epaules
 Du Cavalier que nous voyons.
 Commencés: je vous laisse obscurcir mes rayons:
 Il n'en fallut pas plus. Notre Souffleur a gage
 Se gorge de vapeurs, s'enfle comme un ballon,
 Fait un vacarme de demon,
 Siffle, souffle, tempete et brise en son passage,
 Maint toit qui n'en peut mais, fait perir maint bateau,
 Le tout au sujet d'un manteau.
 Le cavalier eut soin d'empêcher que l'orage
 Ne se put engoufrer dedans.
 Cela le preserva: le vent perdit son tems;
 Plus il se tourmentoit, plus l'autre tenoit fermé:
 Il eut beau faire agir le colet et les plis.
 Sitot qu'il fut au bout du terme
 Qu'a la gageure on avoit mis,
 Le soleil dissipe la nue,
 Recrée, et puis penetre enfin le cavalier,
 Sous son balandrus fait qu'il sue,
 Le contraint de s'en depouillet:
 Encor n'usa-t-il pas de toute sa puissance:
 Plus fait douceur que violence.

КНИГА I. ПРИЧТА I.

Фебъ и Борей.

Съ Бореемъ былъ у Феба разговоръ,
 Иль паче споръ,
 Кто больше силъ изъ нихъ имѣеть,
 И больше властвовать умѣеть.
 Пробъжій на конѣ: холодновашъ былъ часъ;
 Накинулъ епанчу пробъжій; крышка грѣеть,
 И ееть у насъ
 Указъ,
 Во время холода теплай прикрыться,
 И никогда предъ спужей не бодриться;
 Ее не побѣдишь,
 Себя лишь только повредишь;
 Прошиву холода не можно умудриться.
 Сказалъ Борей: смопри, съ пробъжева хочю
 Я здернуть епанчу,
 И лишекъ на сѣдлѣ я въ когпи ухвачу.
 А сонце говоритъ: во щещной шы надеждѣ,
 А еспьли я хочю,
 Такъ ешу епанчу
 Сниму я прежде;
 Однако попрудися шы;
 И сѣлай истинну изъ бреда и мечшы.
 Борей мой дуеть,
 Борей мой плюеть,
 И сильно подъ бока пробъжева онъ суеть,
 Борей ореть,
 И въ когпи епанчу беретъ,
 И съ плечь ее дереть:
 Толчки пробъжій чуеть,
 И въ носъ, и въ рыло, и въ бока
 Однако епанча гораздо жестока:

Хлопочешъ,
 И съ плечь ийши не хочешъ.
 Усшалъ Борей,
 И поклонился ей.
 Вдругъ солнце возсіяло,
 И естество другой порядокъ восприяло;
 Нигдѣ не видно шучь,
 Вездѣ злапой играешъ лучъ:
 Куда не возведешъ пы взоры,
 Ликуюшъ рѣки, лѣсъ, луга, поля и горы:
 Пробѣжій епанчу долой съ себя сложилъ,
 И снявъ о епанчѣ пробѣжій не шужилъ.
 Репейникъ хуже Райска крина,
 О чемъ я въ прищѣ сей, чиншашель, говорю?
 Щедроша лютошти пошребняе Царю.
 Борей Калигула, а Фебъ ЕКАТЕРИНА.

LIVRE I. FABLE X.

Le Loup et l'Agneau.

La raison du plus fort est toujours la meilleure :
 Nous l'allons montrer tout à l'heure.

Un Agneau se désaltérait

Dans le courant d'une onde pure.

Un loup survient à jeun, qui cherchoit aventure,
 Et que la faim en ces lieux attiroit.

Qui te rend si hardi de troubler mon breuvage?

Dit cet animal plein de rage;

Tu seras châtié de ta témérité.

Sire, répond, l'Agneau, que Votre Majesté

Ne se mette pas en colère,

Mais plutôt qu'elle considère

Que je me vas désaltérant
 Dans le courant,
 Plus de vingt pas au-dessous d'elle ;
 Et que, par consequent, en aucune façon
 Je ne puis troubler sa boisson.
 Tu la troubles, reprit cette bête cruelle ;
 Et je sais que de moi tu médis l'an passé.
 Comment l'aurois-je fais si je n'étois pas né ?
 Reprit l'Agneau ; jè tette encor ma mère.
 — Si ce n'est toi ; c'est donc ton frère.
 — Je n'en ai point. — C'est donc quelqu'un des tiens ;
 Car vous ne m'epargnés guère ;
 Vous, vos bergers et vos chiens.
 On me l'a dit, il faut que je me venge.
 Là-dessus, au fond des forêts
 Le Loup l'emporte, et puis le mange,
 Sans autre forme de procès.

КНИГА I. ПРИЧТА II.

Волкъ и ягненокъ.

Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ ;
 Однако въ низъ рѣки гораздо опспунилъ ;
 Такъ пилъ онъ ниже ;
 И свѣдѣшвенно что волкъ къ тому былъ мѣсту
 ближе,
 Опколъ токи водъ спремленіе влечешъ ;
 Извѣстно что вода всегда на низъ шечешъ.
 Голодой волкъ ягненка озираешъ ;
 Отъ ужаса ягненокъ обмираешъ,

И мнѣшъ: не буду я съ ягнятками играть,
 Не спанешъ на руки меня паспушка брать,
 Не буду голоса я слышати свирѣли,
 И ппички для меня въ послѣдніе проѣли,
 Не на зеленомъ я скончаюся лугу.

Умру на семъ пещаномъ берегу.

Волкъ почалъ говорить: бездѣльникъ, какъ ты
 смѣшъ

Пишье мое мушишь,

И въ воду чистую мнѣ сору напустишь?

Да ты - жъ пакую мать имѣшъ,

Кошорая ко мнѣ учпивства не храня,

Вчера блеяла на меня.

Ягненокъ отвѣчаетъ,

Что мать его дней съ прищипанъ умерла;

Такъ волка не она ко гнѣву привела:

А токъ воды бѣжипъ на низъ онъ чаешъ,

Такъ волкъ его опивокъ не воспрѣчаетъ.

Волкъ прешьею виной ягненка уличаетъ;

Не мни чпо ты себя, бездѣльникъ, извинилъ,

Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.

Ягненокъ отвѣчалъ: помю ужъ двѣ недѣли,

Что псы его забли.

Такъ дядя швой иль братъ,

Иль можетъ быть и свашъ,

Бранилъ меня вчера, я епо знаю почно,

И говорю шебъ я епо не нарочно.

Ягненковъ былъ отвѣтъ:

Всея моей родни на свѣшъ больше нѣшъ;

Лелѣшъ лишь меня прекрасная паспушка.

А! а! верпушка,

Не опверпишся ты; пакъ, пакъ, твоя паспушка

Блеяла на меня: комолыя рога,

И длинной хвостъ у ешого врага,

Густая шерсть, копыты не велики ;
 Довольно ли тебѣ плутишка сей улики ?
 Паспушкѣ я твоей покорнѣйшій слуга,
 За то что на меня бляешь она дерзаетъ,
 А ты за то умри. Ягненка волкѣ шерзаетъ.

LIVRE VIII. FABLE VI.

La femme et le secret.

Rien ne pèse tant qu'un secret :
 Le porter loin est difficile aux dames ;
 Et je sais même sur ce fait
 Bon nombre d'hommes qui sont femmes.
 Pour éprouver la sienne un mari s'écria
 La nuit étant près d'elle : o Dieux ! qu'est-ce cela,
 Je n'en puis plus ! on me déchire !
 Quoi j'accouche d'un oeuf ! — D'un oeuf ? — Oui, le voilà ;
 Frais et nouveau pondu : gardés bien de le dire ,
 On m'appelleroit poule. Enfin n'en parlés pas.
 La femme neuve sur ce cas ,
 Ainsi que sur mainte autre affaire ,
 Crut la chose , et, promit ses grands Dieux de se taire :
 Mais ce serment s'évanouit
 Avec les ombres de la nuit.
 L'épouse indiscrette et peu fine ,
 Sort du lit quand le jour fut à peine levé ;
 Et de courir chés sa voisine :
 Ma commère, dit elle, un cas est arrivé :
 N'en dites rien sur tout, car vous me ferriés battre.
 Mon mari vient pondre un oeuf gros comme quatre.

Au nom de Dieu, gardés vous bien
D'aller publier ce mystère.

Vous moqués vous? dit l'autre: Ah. vous ne savés
guère,

Quelle je suis. Allés ne craignés rien.
La femme du pondeur s'en retourne chés elle.
L'autre grille deja de conter la nouvelle:
Elle va la repandre en plus de dix endroits;
Au lieu d'un oeuf elle en dit trois.
Ce n'est pas encor tout, car une autre commère
En dit quatre, et raconte a l'oreille le fait:
Precaution peu necessaire,
Car ce n'étoit plus un secret.
Comme le nombre d'oeufs, grace à la Renommée,
De bouche en bouche alloit croissant,
Avant la fin de la journée.
Ils se montoient a plus d'un cent.

КНИГА I. ПРИЧТА X.

Я ѣуо.

Когда снѣга не шають,
Рабяша изъ него шары катають,
Серпяпѣ,
И шарѣ верпяпѣ;
Шарѣ больше спановипся;
Шарочикѣ ихъ шарищемъ появипся.
Да кпожѣ
На шарѣ похожѣ?
Ложѣ.

Чшо больше бродитѣ
 То больше въ цѣну входитѣ :
 Снѣжной шарика будетѣ шарѣ ,
 А изо лжи поваришка поварѣ .
 Ахѣ! ахѣ! жена, меня околдовали,
 Кричитѣ мужѣ лежачи женѣ ,
 Я снесѣ яйцо: никакѣ ты видѣлѣ шо во снѣ?
 Такія чудеса на свѣтѣ не бывали.
 Я снесѣ яйцо, ахѣ жонушка моя!
     Ужѣ я
 Не мужѣ швой, курица швоя.
 Не молви ешого сѣ сосѣдкой;
 Ты знаешѣ назовутѣ меня еще насѣдкой.
     Противно шо уму,
     Чшобѣ я сказала шо кому;
     Однако скажетѣ;
 Болкливой бабѣ чортѣ языка не привяжетѣ.
     Сказала ей,
     А па сосѣдушкѣ своей,
 Ложѣ ходитѣ, я сказалѣ сѣ прибавкой въ мирѣ:
     Яйцо, два, шри, чешыре,
 И спало подѣ вечерѣ пять сотѣ яицѣ.
 На завтрѣ множество къ уроду,
     Збираетѣя народу,
     И незнакомыхѣ лицѣ.
 За чемѣ валишѣ народѣ? Валишѣ купитѣ яицѣ.

LIVRE III. FABLE I.

Le meunier, son fils et l'Ane.

J'ai lu dans quelqu'endroit, qu'un meunier et son fils,
 L'un vieillard, l'autre enfant, non pas des plus petits,
 Mais garçon de quinze ans, si j'ai bonne mémoire,
 Alloient vendre leur ane un certain jour de foire.
 A-fin qu'il fut plus frais et de meilleur débit,
 On lui lia les pieds, on vous le suspendit :
 Puis cet homme et son fils le portent comme un lustre.
 Pauvres gens ! idiots ! couple ingorant et rustre !
 Le premier qui les vit, de rire s'éclata.
 Quelle farce, dit-il, vont jouer ces gens là ?
 Le plus ane de trois n'est pas celui qu'on pense.
 Le meunier, a ces mots, connoit son ignorance :
 Il met sur pieds la Bête, et la fait détaler.
 L'ane, qui goutoit fort l'autre façon d'aller,
 Se plaint en son patois, le meunier n'en a cure !
 Il fait monter son fils, il suit ; et, d'aventure,
 Passent trois bons marchands. Cet objet leur déplut.
 Le plus vieux au garçon s'écria tant qu'il put :
 Oh ! la ! ho ! descendés, que l'on ne vous le dise,
 Jeune homme qui menés laquais a barbe grise !
 C'étoit a vous de suivre, au vieillard de monter.
 Messieurs, dit le meunier, il faut vous contenter.
 L'enfant met pied a terre, et puis le vieillard monte.
 Quand trois filles passant, l'une dit : c'est grand honte
 Qu'il faille voir ainsi clocher ce jeune fils,
 Tandis que ce nigaud, comme un eveque assis
 Fait le veau sur son ane, et pense être bien sage.
 Il n'est, dit le meunier, plus de veau à mon âge.
 Passés votre chemin, la fille, et m'en croyés.
 Après maints quolibets coup-sur-coup renvoyés,

L'homme crut avoir tort, et mit son fils en croupe.
 Au bout de trente pas, une troisième troupe
 Trouve encor à gloser. L'un dit: ces gens sont fous:
 Le baudet n'en peut plus: il mourra sous leurs coups.
 Hé quoi! charger ainsi cette pauvre bourrique!
 N'ont ils pas de pitié de leur vieux domestique?
 Sans doute qu'à la foire ils vont vendre sa peau.
 Parbleu, dit le meunier, est bien fou de cerveau,
 Qui prétend contenter tout le monde et son père.
 Essayons toutefois si, par quelque manière,
 Nous en viendrons à bout. Ils descendent tous deux.
 L'âne se prélassant, marche seul devant eux.
 Un quidam les rencote, et dit: Est ce la mode
 Que Baudet aille à l'aise et meunier s'incommode?
 Qui de l'Âne ou du maître est fait pour se lasser?
 Je conseille à ces gens de le faire enchâsser.
 Ils usent leurs souliers: et conservent leur âne!
 Nicolas, au rebours: car quand il va voir Jeanne,
 Il monte sur sa bête, et la chanson le dit,
 Beau trio de Baudets! le meunier repartit:
 Je suis âne, il est vrai, j'en conviens, je l'avoue:
 Mais que dorénavant on me blâme, on me loue,
 Qu'on dise quelque chose, ou qu'on ne dise rien,
 J'en veux faire à ma tête, il le fit, et fit bien.
 Quant à vous, suivés Mars, ou l'amour, ou le prince;
 Allés, venés, courés, demeurez en province,
 Prenés femme, abbaye, emploi, gouvernement,
 Les gens en parleront, n'en doutés nullement.

КНИГА II. ПРИЧТА II.

Старикъ со своимъ свиномъ и Оселъ.

Одинъ шо такъ, другой-шо инако зовешъ;
 На свѣшѣ разны правы,
 На свѣшѣ разны нравы;

Но все ли шо ловишь рѣкою что плывешъ.
 Кипо хочешъ,
 Пускай хлопочешъ,
 Пускай хохочешъ,
 Хула не ядъ,

А безъ вины никшо не попадешся вѣ адъ:
 Хулишель ко всему найдешъ себѣ привязку.
 Я къ етому скажу старинную вамъ сказку:
 Ни года, мѣсяца не помню, ни числа,
 Какъ велъ мужикъ дорогою осла.
 Съ крестьяниномъ былъ сынъ, мальчишка лѣтъ
 десяпка;

Но шо одна догадка;
 Я вѣ зубы не смопрѣлъ: да я-жѣ не коновалъ,
 И опѣ роду вѣ такой я школъ не бывалъ.
 Мужикъ былъ старъ и съ бородою:
 Съ какой? Съ сѣдою.

Прохожій встрѣпившись смѣялся мужику,
 Какъ будшо дураку,
 И говорилъ: идушѣ пѣшками,
 А есть у нихъ оселъ, ослы вы видно сами.
 Не празденъ спалъ оселъ,

Крестьянинъ на него полезъ и сѣлъ:
 Безъ шпорѣ крестьянинъ былъ, полкалъ осла пя-
 шами.

Прохожій встрѣпившись смѣялся мужику,
 Какъ будшо дураку,

И говорилъ: конечно брашъ ты шумень,
 Или безумень;
 Самъ їдишъ ты верьхомъ,
 А мальчика съ собой волочишъ ты пѣшкомъ.
 Мужикъ съ осла спустился,
 А мальчикъ на осла, и шакъ и сякъ,
 Не знаю какъ
 Вскарабкался, взмоспился.
 Прохожій встрѣпившись смѣялся мужику,
 Какъ будшо дураку,
 И говорилъ: на глупость ешо схоже,
 Мальчишка помоложе;
 Такъ лучше онъ бы шелъ, когда бы ты былъ
 умень,
 А ты бы їхалъ старой хренъ.
 Мужикъ еще осла навьюшилъ,
 И на него себя и съ бороною взрютилъ,
 А парень шаки шамъ:
 Не будетъ ужъ теперь никто смѣяться намъ;
 Ворчалъ мужикъ предвѣдавъ шо сердечно,
 Конечно,
 Я мышлю такъ и самъ,
 Никто смѣяться ужъ не спанетъ,
 Извѣстно шо давно что сердце не обманетъ.
 Прохожій встрѣпившись смѣялся мужику,
 Какъ будшо дураку,
 И говорилъ: старикъ и въ грѣхъ не спавишъ,
 Что такъ осла онъ давишъ,
 А скоро сѣдока и преспяго прибавишъ.
 Удачи нѣшъ: никто не хочетъ похвалишъ;
 Не луччель на себя мужикъ осла взвалишъ?

LIVRE VII. FABLE VII.

La cour du Lion.

Sa Majesté Lionne un jour voulut connoître,
 De quelles nations le ciel l'avoit fait maître.
 Il manda donc par députés
 Ses vassaux de toute nature,
 Envoyant de tous les côtés
 Une circulaire écriture
 Avec son sceau. L'écrit portoit
 Qu'un mois durant, le Roi tiendrait
 Cour plénière, dont l'ouverture
 Devoit être un fort grand festin,
 Suivi des tours de Fagotin.
 Par ce traité de magnificence,
 Le prince a ses sujets étaloit sa puissance.
 En son Louvre il les invita.

Quel Louvre ! Un vrai charnier, dont l'odeur se porta
 D'abord au nez des gens. L'Ours boucha sa narine :
 Il se fut bien passé de faire cette mine.
 Sa grimace déplut. Le monarque irrité,
 L'envoya chés Pluton faire
 Le degouté.

Le singe approuva fort cette sévérité ;
 Et, flatteur excessif, il loua la colère,
 Et la griffe du Prince, et l'autre, et cette odeur :
 Il n'étoit ambre, il n'étoit fleur,
 Qui ne fut ail au prix. Sa sottise flatterie
 Eut un mauvais succès, et fut encor punie.
 Ce monseigneur du lion-là,
 Fut parent de Caligula.

Le Renard étant proche : Or ça, lui dit le sire,
 Que sens-tu ? Dis le moi : parle sans déguiser.
 L'autre aussitôt de s'excuser,

Alleguant un grand rhume : il ne pouvoit que dire
 Sans odorat : bref il s' en tire.
 Ceci vous sert d' enseignement.
 Ne soyés à la cour, si vous voulez y plaire,
 Ni fade adulateur, ni parleur trop sincère ;
 Et tachez quelque fois de répondre en Normand.

КНИГА I. ПРИЧТА XVII.

Пиръ у Льва.

Коль истинной не можно опивчатъ,
 Всего полезная молчатъ.
 Съ боярами какъ жить, попребно епо вѣдашь.
 У льва былъ пиръ,
 Пришелъ весь миръ,
 Обѣдашь.
 Въ покояхъ вонь у льва :
 Кваршира шакова,
 А львы живушѣ нескудно ;
 Такъ епо чудно.
 Подобны въ чистотѣ жилищѣ они чухнамъ,
 Или посадскимъ мужикамъ,
 Которыя въ порги умѣренно вспушили :
 И опкупами намъ еще не облупили,
 И вмѣсто порпупей имѣюшѣ кушаки,
 А крапче такъ : торговы мужики.
 Пришла вонь волку къ носу :
 Волкъ епо объявилъ бесѣдѣ безъ допросу,
 Что запахъ худъ.
 Услышавъ левъ, кричитъ : бездѣльникъ ты и плутъ,
 Худова запаха и не бывало шутъ :

И смѣютъ ли въ такія полки,
 Входишь о львомъ домъ волки?
 А чшобы бредишь волкѣ напредки не дерзалъ,
 Немножечко онѣ волка пошазалъ,
 И для поправки наказалъ.
 А именно на часпи расперзалъ.
 Маршешка видя спрашны грозы,
 Сказала: здѣсь нарциссы, розы,
 цвѣшупѣ.

Левъ ей отвѣщеншвовалъ: и шы такой же плушъ;
 Нарциссовѣ, розѣ и не бывало пушѣ.
 Напредки не сплешай шы лѣспи:
 А за такія вѣспи,
 И за пріязнь,
 Прими и шы достойну казнь.
 Прешавился волчешка,
 Прешавилась Маршешка.
 Скажи лисица шы, хозяйнѣ вопрошалъ,
 Какой бы запахъ намѣ дышалъ,
 Я знаю чшо швое гораздо чувешво нѣжно;
 Понюхай шы прилѣжно.
 Лисица на ешотѣ вопросѣ
 Сказала: у меня залегѣ севодни носѣ.

LIVRE V. FABLE IV.

Les oreilles du Lièvre.

Un animal cornu blessa de quelques coups
 Le Lion, qui, plein de courroux,
 Pour ne plus tomber en là peine,
 Bannit des lieux de son domaine,

Toute bête portant des cornes à son front.
 Chèvres, béliers, Taureaux, aussitôt délogerent,
     Daims et Cerfs de climat changèrent :
     Chacun à s'en aller fut prompt.
 Un lièvre apercevant l'ombre de ses oreilles,
     Craignit que quelque Inquisiteur
 N'allât interpréter à cornes leur longueur,
 Ne les soutint en tout à des cornes pareilles.
 Adieu, voisin grillon, dit-il, je pars d'ici :
 Mes oreilles enfin seroient cornes aussi ;
 Et quand je les aurois plus courtes qu'une Antruche,
 Je craindrois même encor. Le Grillon répartit :
 Cornes, cela! Vous me prenés pour cruche!
     Ce sont oreilles que Dieu fit.
     On les fera passer pour cornes,
 Dit l'animal craintif, et cornes de Licornes.
 J'aurai beau protester: mon dire et mes raisons
     Iront aux petites-maisons.

КНИГА II. ПРИТЧА XXVIII.

З а л у б ъ,

Толкнулъ какой-то льва рогами звѣрь :
 За то скопинѣ всей рогатой,
     Нещаснiе шеперь,
     И ссылка плашой.
     Въ приказѣ
     Пришелъ о томѣ указѣ.
 Готовѣ осмопрѣ, и высылка гошова.
     Спупай, не говори ни слова,

И понесите вонъ опсель шбла,

Рога и души.

Великой зайцу страхъ та ссылка навела ;
 Рогами мнитъ почтуть въ приказъ зайчѣй уши.
 До зайца помъ указъ ни въ чемъ не надлежитъ ;
 Однако онъ какъ шб подобно прочь бѣжитъ.

Страхъ зайца побѣждаетъ :

И заяцъ разсуждаетъ :

Подвѣчій лютъ ,

Подвѣчій плутъ ,

Подвѣческія души ,

Легко пожалуютъ въ рога большія уши :

А ежели судѣй и судѣ

Меня оправятъ ;

Такъ, справки, выписки одни меня задавятъ.

Я на всѣхъ просвѣщенныхъ чинашелей
 ссылаюсь, что помѣщенные здѣсь припчи
 Сумарокова, превосходнѣ Лафоншеновыхъ.
 Сами безпристрастные Французы, вѣдающіе
 нашъ языкъ, въ помъ согласяся.

Симъ оканчиваю я мое разсужденіе, прося
 немилосердыхъ крипиковъ, зоиловъ не бранью,
 по обычаю, а доводами, (коли они имѣютъ
 ихъ) ошвѣстствовать. Гораздо бы пристойнѣ
 и хвальнѣ для насъ было, когда бы мы, вмѣсто
 прилѣпленія къ чуждому спяжанію, велича-
 лись собшвенностію, и духъ униженія пре-
 шворили бы въ благородное честолобіе. По-
 ставимъ свои шрофеи посреди иноплемени-

чьихъ, и скажемъ не краснѣя ученому свѣту:
Мы сами Ломоносова, Сумарокова, Державина,
Княжнина, и Богдановита у себя имѣемъ.

К о н е ц ъ.

[11р]

Вс
Ро
До
Од

Лег

Так

ССЫ
Сум
Сам
наш

неми
по о
ихъ)
и хва
прил
лись
швор
шави

СПбГУ

СПбГУ

